

компонентного состава фразеологизмов, по соотношению фразеологизмов с определенными частями речи, по их происхождению и т.п.

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
В ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ**

С.Б. Кураш

*Мозырский государственный
педагогический университет*

МЕТАФОРА КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ
СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Метафорология художественного творчества, и в первую очередь поэзии, количественно (по числу публикаций), пожалуй, самое разработанное направление науки о метафоре. Долгое время внимание к поэтической метафоре ограничивалось подходом к ней лишь как к изобразительно-выразительному средству, а непосредственно наблюдаемыми языковыми объектами при этом являлись метафорически переосмысленные лексемы, образные словосочетания, реже – предложения. С выходом на приоритетные позиции лингвистики текста, с разработкой вопросов текстообразования нарастает интерес к метафоре как к одному из конструктивных элементов текста, затем – как к способу организации текста в целом, наконец, как к глубинному «пусковому механизму» при порождении семиотически усложнённых форм речи, к числу которых, безусловно, относится и язык поэзии. В конце прошлого столетия на это, в частности, обратила внимание В.Н.Телия: «Остается только удивляться тому, что... метафора изучается эпизодически и скорее как стилистическое средство, нежели универсально-лингвокреативное. Очевидно, причина этого кроется в том, что механизмы метафорического процесса «скрыты», а лингвистика начала оперировать «глубинными» структурами только в последние десятилетия» [Телия 1990: 46].

Джордж Лакофф – один из основоположников такого подхода к метафоре – подчеркивает, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии, что наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути [Лакофф 1990].

Эту же мысль развивают современные исследователи метафоры, ср.: «Категория метафоричности представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком; она отражает взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. ... Категория метафоричности относится к одному из наиболее общих и фундаментальных по-

нятий, отражающему существенные всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания по признаку нахождения ассоциативных связей между ними» [Вардзелашвили 2002: 26]; «Метафора – это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов 2001: 33].

Как видно, подобное понимание метафоры достаточно очевидно отдалено от традиционного её атомарно-стилистического рассмотрения. Понятие «метафора» соотносится здесь уже не с классификатором «приём», а с такими классификаторами, как «механизм», «модель», «принцип», что обостряет исследовательский интерес к данному феномену. «Сам термин «метафора» давно вышел за рамки поэтико-риторического употребления, – пишет О.Н.Лагута. – Как метафорические рассматриваются даже элементы ландшафта, предметы дизайна, исторические и социальные события, художественные стили и средства, направления в развитии информационных технологий и мн. др. Именно всплеск всестороннего интереса к метафорогенной деятельности и механизму метафоризации, глубокое исследование различных ее сторон позволили в свое время А.Вежбицкой, вслед за Н.Blumenberg, утверждать, что метафорология – отдельная самостоятельная ветвь лингвистических исследований» [Лагута 2001: 3].

И хотя нельзя сказать, что на отмеченный «сверхстатус» поэтической метафоры никогда ранее не указывалось (Ср.: «По-видимому, всё более глубокое осознание того, что моделью связей между словом и образом может служить метафора, лежит в основе постоянного (в последние годы – явно возрастающего) интереса филологов к метафорическому аппарату языка» [Григорьев 1979: 187]), всё же справедливым будет отметить отсутствие серьёзной научной проработки данной проблемы в рамках создания некоей целостной концепции, раскрывающей сущностный статус поэтической метафоры.

Нам представляется, что перспективы данного вектора исследований связаны не с языковыми отдельностями (метафоризацией слов, их сочетаний и т.п.), а с текстом как центральной подлинно коммуникативной единицей, к тому же с учётом того, что художественный текст и сам как объект лингвистики активно расширил свои концептуальные границы, захватив в них и «прилегающие», «при-(сверх-, мета-, интер-)текстовые» зоны – ту самую «жизнь», которая заставила лингвистов укоренить в своём активном обиходе понятие «дискурс» [Арутюнова 1990а: 136], в научной интерпретации которого «акцент ... ставится на его интеракциональной природе» [Усманова 2001: 239]. «Интерактивность как текстово-дискурсивная категория представлена субъектно-объектно-субъектным взаимодействием коммуникантов, погружённых в семиосферу и бытие, и вербально – «следами» этого взаимодействия в тексте, высказывании» [Селиванова 2003: 61].

Из данного тезиса выделим следующие значимые интеракции: текст – бытие (т.е. вне-текст, экстралингвистический универсум); текст – семиосфера (т.е. знаковое пространство, и прежде всего языковые знаки – вплоть до текстов); текст – коммуниканты. Именно их суммирование и даёт момент дискурса (или, если придерживаться текстоцентризма, – дискурсивной модели текста [см. Ревуцкий 2006]).

Чем привлекательно для лингвопоэтологического исследования именно это единство – «метафора / дискурс»?

На её феноменологическое единство одной из первых указала Н.Д.Арутюнова в работе с одноименным названием, где были обозначены черты гомогенности метафоры и поэтического дискурса: актуализация далеких и неявных связей, единство образа и смысла, диффузность значения, допущение разных интерпретаций, устранение мотивировок и разъяснений [Арутюнова 1990б: 5-32].

В развитие этой идеи можно высказать гипотезу, что проблема «метафора и поэтический текст / дискурс» обретёт конкретные очертания своего решения «на новом витке», когда будет изучена роль метафоры в осуществлении дискурсивных связей текста. Это, во-первых, задача, выдвинутая логикой развития целого ряда наук: поэтики, лингвистики текста, дискурсивной лингвистики, семиотики, наконец, метафорологии; во-вторых, объективное требование времени – конца XX – начала XXI века, – явившего читателю (участнику дискурса) огромный массив текстов метафоричных, зашифрованных, аллюзивных, информативно уплотнённых.

Раскрытие сущности поэтической метафоры в аспекте дискурсообразования должно, таким образом, идти по линии выяснения архитектурных функций метафоры (и как способа, и как средства) в структурировании основных перечисленных выше дискурсивных интеракций. Наши соображения по этому поводу сводятся к следующим.

1. Отношения «текст – внеязыковой универсум». Здесь, прежде всего, следует принять положение о знаковом характере художественного текста. «Писатель, пользуясь знаковостью языка, строит определенную реальность, которая не только отражает уже существующую, но и является ее частью. Поэтому любой художественный текст носит знаковый характер, требующий при интерпретации семиотического подхода, который, в свою очередь, направлен на объяснение текста как языкового явления» [Белозерова 2001: 15].

Известны и прямые аналогии, проводимые между текстом и знаком. Вот, например, одна из них: «Структура повествовательного текста, по мнению нарратологов, аналогична соссюровской структуре знака. «История» (фабула) является предметом рассказа (означаемым), нарративный дискурс – означающим. Но между ними имеется промежуточный уровень «рассказа» (сюжета). По отношению к истории, которую рассказ организует и упорядочивает, он играет роль означающего. По отношению к narra-

тивному дискурсу – роль содержания высказывания (непосредственного означаемого), тогда как сам нарративный дискурс выполняет функцию означающего, то есть на вербальном уровне рассказ/сюжет – означаемое, на экстралингвистическом – означающее. На уровне сюжета происходит процесс вербализации, воплощения в слове, а процесс фокализации, воплощения в сценах и образах. Это фаза «гипотетической переработки», упорядоченной и структурированной истории» [Ермоленко 2002: 32].

И хотя можно привести иные трактовки экстраполяции семиотических понятий «означаемого» и «означающего» на область текстолингвистики, фактом, требующим признания, остаётся одно: художественный текст – это некое подобие / антиподобие внешней по отношению к речедейтелю действительности, слепок с неё либо её отражение в «кривом зеркале». Так или иначе, вне соотношения с действительностью (универсумом) текст не мыслится. В этом смысле художественный текст – это метафора действительности, её знак, её реконструкция, а метафора – это принцип взгляда на мир посредством текста, инструмент семиотического освоения действительности средствами художественного дискурса. Следовательно, сигнификативно художественный текст всегда метафоричен, как метафорично по своей сути художественное мышление.

2. Отношения «текст – семиосфера» правомерно свести к двум основным ипостасям: «текст – языковой универсум» и «текст – интертекстовой универсум».

Метафорика, связанная с первым типом отношений (текст – язык), может быть представлена следующими типологическими проявлениями:

1) отношениями сходства (иконичности) денотата и сигнификата текста, т.е. дублирования информации, представленной на уровне смыслов, концептов, средствами фактур, относящихся к форме (ритм, фоника, морфемика, синтаксис, графика, композиция и пр.). В этом случае можно говорить о метафорике на уровне фактур текста.

2) метафорическим структурированием собственно языковых концептов, причём ядром этого тропеического поля можно считать метафорическое структурирование самого концепта «метафора», характерное для целого ряда русских поэтов [Кураш 2007: 17-22].

Если язык представляет собой основной – материальный, фундаментальный – слой семиосферы для любого художественного текста, то своеобразной его надстройкой выступает интертекстовой слой дискурса. Здесь напрашивается метафорическая аналогия: язык – это земля, твердь, а интертекст – это атмосфера. Будучи «выросшим» из первой, текст живёт в окружении второй. Ср.: «Между слоем реалий (фактов, событий, явлений реальной действительности) и слоем языка помещается уровень интертекстуальности. Промежуточное положение данного слоя ... объясняется тем, что эта информация является и экстралингвистической, поскольку не выпадает из круга сведений исторического, культурного и иного плана, и

лингвистической, ввиду того, что является уже вербализованной другими авторами» [Ревуцкий 2006: 44].

И относительно данного взаимодействия обнаруживаются как минимум две ипостаси функционирования поэтической метафорики:

1) метафороподобие самого интертекста. Интертекст схож с метафоричностью и – шире – тропеичностью в плане их прагматической ориентированности на увеличение смысловой ёмкости текста. «Известно сразу несколько ... классификаций, по-разному подразделяющих способы отсылок от текста к тексту... И всё же большинство из них явно или имплицитно уподобляют виды этих отсылок тем или иным тропам и фигурам. Тем самым как раз и подразумевается, что последующий текст преобразует референтную функцию предыдущего в автореферентную, так как в процессе порождения тропов и фигур язык, вообще говоря, отображается на самого себя, превращается в знак знака» [Смирнов 1995: 14].

2) интертекстуальность метафор – от устойчивого употребления в текстах разных авторов метафорических формул-архетипов наподобие *жизнь – дорога (плавание, цветение), смерть – увядание* и т.п. – до собственно интертекстовой метафоры, представляющей собой «посттекстовое» функционирование конкретного метафорического образа, имеющего идентифицируемый источник происхождения. Ср.: *Куда, пути не различая, / ты понеслась по крови луж, / Русь – птица-тройка чрезвычайки, / Кренясь от груза мёртвых душ?* (Е.Евтушенко, «Возрождение»).

3. Отношения «текст – коммуниканты (адресант и адресат)» заключаются в основанности передачи образной информации от адресанта к адресату на интерактивном механизме, сущностно родственном метафоре. Определение параметров коммуникативной ситуации поэтического текста напоминает разгадывание метафоры: Я, ТЫ, МЫ, ОН как составляющие информативно-образного кода поэтического текста должны быть адекватно интерпретированы (разгаданы, реконструированы), тем более что в поэтическом дискурсе возможны различные формы их взаимоперемещения и перевоплощения. Так, перевоплощение повествователя в неодушевлённый предмет либо иное живое существо влечёт за собой трансформацию референтной ситуации текста в недостоверную, фантастическую; в том случае, когда адресант текста рефлексировал по поводу собственного речевого акта, коммуникативная ситуация совпадает с референтной; включение в коммуникативную рамку текста прецедентных литературных образов (в частности, онимов) выводит данный текст в интертекстовой слой дискурса и т.д. Метафора может и непосредственно включаться в организацию коммуникативных отношений поэтического текста, когда посредством её воплощаются текстовые коммуниканты либо когда она сама оказывается в центре совпадения референтной и коммуникативной ситуаций текста. Наконец, «дуалистичность противоположностей внешнего (объективного) и внутреннего (субъективного) в метафоричном образе

отражает двойственность структуры художественного произведения, которое одновременно моделирует действительность и личность автора» [Тимошенко 2001: 7].

Как видно, изоморфизм текста / дискурса и метафоры не надуман, а явственен и доказуем. Приведённые ссылки ещё раз свидетельствуют о том, что метафорология и лингвистика текста / дискурса медленно, но верно шли встречными курсами и на своём стыке обнаружили гносеологическое поле для разработки лингвометафорологической теории текста. Разумеется, такая теория прежде всего востребована относительно художественной, в первую очередь – поэтической речи и имеет в качестве своей основы глубинные механизмы смыслопорождения, заданные свойствами человеческого мозга и – шире – базовыми параметрами основных феноменов бытия (бинарность, симметро-асимметрия и т.д.). Ср.: «Зеркальный механизм, образующий симметрично-асимметричные пары, имеет столь широкое распространение во всех смыслопорождающих механизмах, что его можно назвать универсальным, охватывающим молекулярный уровень и общие структуры вселенной, с одной стороны, и глобальных созданий человеческого духа, с другой. Для явлений, охватываемых понятием «текст», он, бесспорно, универсален» [Лотман 2000: 23].

Наконец, метафора используется и как инструмент познания, объяснения природы текста, проникновения в суть последней. Ср.: «Текст является не столько выражением чего-то вне него лежащего и до него уже существовавшего (языка, идеи, внетекстовой реальности, авторской интенции и т.п.), сколько самостоятельным универсумом, всё это порождающим и включающим в себя.

Существует метафорическое представление о тексте, как о лабиринте, в котором блуждают его читатели и исследователи, или спутанном клубке, который подлежит распутыванию. Не существует универсальной теории выхода из лабиринта или распутывания клубков, есть лишь некоторые эвристические принципы, которым бывает полезно следовать. Однако когда вы приступаете к распутыванию клубка, у вас заранее не может быть гарантий, что вы его сумеете распутать до конца; равным образом, не сумев его распутать, вы не имеете права утверждать, что этот клубок является нераспутываемым в принципе.

Распутывание клубка производится извне, а разгадывание лабиринта изнутри.

В тексте скрывается сам автор, текст – есть свидетельство о нём; каждое творение содержит в себе – в том или ином виде – образ своего творца» [Лотман М.Ю.].

Помимо метафоры лабиринта, удачно найденной М.Ю.Лотманом, можно встретить и другие метафорические презентации художественного, и в первую очередь поэтического, текста, одной из которых завершим наши рассуждения: «Не является ли метафорой и сам стих? Во всяком слу-

чае, его изобретатель обладал богатым воображением, раз он решился бесконечность жизни и речи уподобить краткому мигу – строке» [Новиков 1982: 247].

Перечисленные положения, на наш взгляд, могут быть расценены как точечные наброски к созданию метафорологической теории поэтического текста как дискурсивно-семиотического образования.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990а.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990б.
3. Белозёрова Н.Н. Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Тюменский гос. ун-т. Тюмень, 2001.
4. Вардзелашвили Ж. Метафорическая картина мира в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.03 / Тбилис. гос. ун-т им. И.Джавахишвили. Тбилиси, 2002.
5. Ермоленко Г.Н. Теория повествования в отечественной и зарубежной филологии // Современные методы анализа художественного произведения: Матер. науч. семинара. Смоленск: Универсум, 2002.
6. Кураш С.Б. Концепт «метафора»: ракурсы поэтической рефлексии // Мова і культура. Вип. 9. Т. IV (92). Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. Київ: Вид. Дім Дмитра Бураго, 2007.
7. Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. Ч. 1.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: М.: Прогресс, 1990.
9. Лотман М.Ю. Мандельштам и Пастернак: (Попытка контрастивной поэтики) // *Literary Tradition and Practice in Russian Culture [Studies in Slavic Literature and Poetics, v. XX]*. Amsterdam-Atlanta, GA.
10. Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Пб.: «Искусство-СПБ», 2000.
11. Новиков Вл. Философия метафоры // Новый мир. 1982. № 8.
12. Ревуцкий О.И. Филологический анализ художественного текста. – Минск: РИВШ, 2006.
13. Селиванова Е.А. Интерактивность как текстово-дискурсивная категория // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: Матер. II Междунар. науч. конф. Мозырь: МГПУ, 2003. Ч. 1.
14. Смирнов И.П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л.Пастернака). – СПб: СПбГУ, 1995.
15. Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
16. Тимошенко Ю.В. Метафора в структурі художньої свідомості: Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.01.06 / НАН України, Ін-т літ. ім. Т.Г.Шевченка. Київ, 2001.
17. Усманова А.Р. Дискурсия, дискурс // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.
18. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.